

A movie poster for the film "Приворот и порча" (Love Spell and Curse). The central figure is a woman with long, wavy brown hair and light-colored eyes, resting her chin on her hand. She wears a red ring and a necklace with a circular pendant. To her left, a man with a beard and dark hair is visible, wearing a dark jacket. In the background, a woman with long red hair is partially visible. The scene is set in a dark, atmospheric environment with a full moon and birds in the sky. In the foreground, there is a table with various objects: a lit candle, an open book with handwritten text, a quill pen, a red string, and several tarot cards. A small, lit house is visible in the background on the left.

ПРИВОРОТ и ПОРЧА

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

Анастасия Вежина

Приворот и Порча

<https://litres.ru/73791231>

SelfPub; 2026

Аннотация

Татьяна возвращается домой после восьми потерянных месяцев — и дверь ей открывает лучшая подруга. Теперь Ирина живёт здесь. С её мужем.

Казалось бы, хуже уже не будет. Но случайное прикосновение показывает Татьяне то, чего она не могла знать: Ирина стояла у её больничной койки ещё тогда, когда сама Татьяна не могла говорить.

А в доме покойной бабушки находится тетрадь, где имя Ирины записано за годы до аварии рядом с одним словом — «привязать».

Татьяна привыкла доверять фактам: она врач, а не охотница за мистикой. Но факты всё упрямее ведут к невозможному.

Приворот существует. Порча тоже.

И если авария была не случайностью, Татьяне придётся выяснить не только кто хотел её смерти, но и почему.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	74
Г	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Приворот и Порча

Глава 1

Ключ вошёл в скважину ровно на треть и упёрся в глухой металл.

Я замерла на лестничной площадке седьмого этажа, чувствуя, как холодная рукоятка сумки врезается в пальцы. Попробовала повернуть — мягко, без нажима, как делала это тысячи раз до того холодного майского вечера, когда моя жизнь разлетелась на куски на скользком повороте под Дмитровом. Никакого движения. Личинка замка была другой — из матовой стали, с узким фигурным пазом, которого здесь никогда не было.

Восемь месяцев. Почти двести сорок дней, вычеркнутых из памяти аппаратами искусственной вентиляции, белым толчком реанимации и бесконечной чередой больничных палат, о которых я запретила себе вспоминать сразу, как только смогла без посторонней помощи подняться по ступеням. Я восстановилась. Руки держали уверенно, дыхание не сбивалось, а в кармане пальто лежал паспорт с действующей пропиской.

Но замок был чужим.

Александр не отвечал на звонки последние две недели. Сначала короткие гудки, потом сухое «абонент временно

недоступен», а затем — дежурные отписки через общих знакомых: много работы в институте, сложный грант, непрерывные командировки. Я не стала устраивать сцен по телефону. Врачебная привычка требовала очной встречи и ясных фактов: если человек избегает разговора, нужно прийти и посмотреть ему в глаза.

Я нажала на кнопку звонка. В глубине квартиры мелодично отозвался двухтональный зуммер — тот самый, который мы вместе выбирали на строительном рынке пять лет назад.

За дверью послышались шаги. Неторопливые, мягкие, шуршащие по ламинату в прихожей. Александр всегда ходил тяжело, слегка наступая на пятку правой ноги, а здесь походка была легкой, женской.

Щёлкнула задвижка. Дверь распахнулась, и я невольно сделала шаг назад.

На пороге стояла Ирина.

Моя лучшая подруга. Человек, с которым мы делили конспекты в ординатуре, пили чай на этой самой кухне, обсуждали пациентов и смеялись над неудачными покупками. Семь лет почти сестринской близости.

На ней был мягкий домашний кардиган песочного цвета — слишком длинный для её роста, явно мужской. Кардиган Александра. Волосы, обычно уложенные в идеальное каре, были небрежно заколоты на затылке крабиком, а в воздухе за ней тянулся знакомый запах: крепкий кофе с корицей и её любимые духи с горьковатой нотой полыни и бергамота.

— Таня? — Ирина не вскрикнула, не отшатнулась. Её тонкие брови лишь слегка дрогнули, а пальцы с аккуратным бордовым маникюром крепче сжали край дверного полотна. — Ты... почему ты здесь?

— Я приехала домой, Ира. — Голос прозвучал ровно, хотя в груди возникло странное ощущение пустоты, словно при резком падении давления. — Ключ не подходит. Саша поменял замок?

Ирина не отвела взгляда. Ни тени растерянности, ни стыда — только мгновенная оценка ситуации, какая бывает у дежурного хирурга при поступлении тяжелого пациента. Она медленно перевела взгляд на мою сумку, на пальцы, сжимающие старую связку ключей с пластиковым брелоком, и чуть заметно вздохнула.

— Замок меняли два месяца назад, — спокойно произнесла она. — Прости, я думала, адвокат уже отправил тебе все документы в клинику. Или Саша звонил...

— Какие документы?

Ирина приоткрыла дверь чуть шире, но порог не уступила. В глубине прихожей я увидела знакомое зеркало в дубовой раме, консоль для обуви и чужое бежевое пальто на вешалке. Моих вещей там не было. Ни синей демисезонной куртки, ни любимого шарфа.

— Решение суда, Таня, — отчеканила Ирина, и в её голосе скользнула холодная, отработанная твердость. — Вас развели в декабре. Квартира — добрачная собственность Саши,

ты сама прекрасно знаешь. Он имеет полное право распоряжаться своим жильем.

Слова упали тяжело, как медицинские термины в выписном эпикризе. Декабрь. В декабре я едва научилась заново держать ложку и не могла связать двух предложений из-за последствий черепно-мозговой травмы.

— Развели? Без моего присутствия?

— Через представителей, по медицинским показаниям и твоей длительной недееспособности, — Ирина ответила быстро, словно этот текст был выучен наизусть. — Все формальности соблюдены. Саша не хотел тебя тревожить, пока ты не окрепнешь. Он оплатил отдельную палату, уход, все счета за санаторий...

— Где он?

— На кафедре. Будет поздно. И говорить вам, по правде говоря, не о чем.

Я смотрела на неё — на женщину, которая семь лет сидела за моим столом, выслушивала мои жалобы на усталость после дежурств, дарила мне на тридцатилетие серебряный кулон и знала каждую трещинку в моей семейной жизни. В её позе не было защитной агрессии; это была уверенность хозяйки, которая просто закрывает дверь перед навязчивой соседкой.

И тут на безымянном пальце её правой руки блеснуло золото. Гладкое, широкое кольцо, в пару к которому шло тонкое помолвочное с мелким бриллиантом.

— Вы поженились, — не спросила, а констатировала я.

— В январе, — ровно подтвердила Ирина. — Жизнь не останавливается, Таня. Саша был раздавлен после твоей аварии. Ему нужна была поддержка, нормальный дом, живой человек рядом, а не бесконечный морг с капельницами. Мы не планировали этого, так вышло. Тебе лучше уйти. Твои личные вещи сложены в коробки, они на складе временного хранения. Квитанция и адрес у адвоката.

Она сделала движение, собираясь закрыть дверь. Не со злости — просто заканчивая неприятный административный разговор.

Я рефлексивно выставила руку вперед, чтобы придержать тяжелое полотно.

Мои пальцы без перчатки случайно коснулись обнаженного запястья Ирины — чуть выше линии часов с узким кожаным ремешком.

Обычное прикосновение «кожа к коже» длилось меньше секунды, но мир вокруг внезапно потерял цвет и звук.

Лестничная площадка, запах бергамота, гул лифтовой шахты — всё это схлопнулось в одну ослепительно-белую точку. Меня не просто качнуло: реальность словно прорвало, и в сознание ворвался чужой эмоциональный след — слишком плотный и яркий для обычной ассоциации.

Белый люминесцентный свет, режущий глаза даже сквозь закрытые веки.

Тяжелый, въедливый запах хлорамина, спирта и застойно-

го больничного тепла. Монотонный, прерывистый писк монитора жизненных показателей.

Я вижу металлическую спинку функциональной кровати и собственную худую, бледную руку, перехваченную прозрачным пластырем катетера. Пальцы неподвижны, ногти синеватые от гипоксии.

А рядом, в изголовье, стоит Ирина. На ней белый одноразовый халат, брошенный поверх темного пальто. Она не плачет. Она смотрит на моё лицо сверху вниз — в упор, не мигая. В её взгляде нет ни жалости, ни сочувствия к умирающей подруге. Там бурлит вязкое, давящее, почти осязаемое нетерпение. Раздражение человека, чей поезд задерживают на стрелке.

Она склоняется чуть ближе к монитору, разглядывая кривую пульса, и пальцы её сжимаются в кулаки с такой силой, что сквозь ткань халата белеют костяшки. Я не слышала слов и не читала её мысли. Но нетерпение било почти физически — вязкое, раздражённое, чужое. По одному этому следу я не могла знать, чего именно Ирина тогда ждала и какие выводы делала у моей койки. Я могла только чувствовать: моё продолжающееся дыхание почему-то не приносило ей облегчения.

— Таня! С ума сошла?

Удар металлической двери о косяк вернул меня в реальность.

Я отшатнулась, прижавшись спиной к шершавой побелке

стены. Сердце колотилось в горле с частотой под сто шестьдесят, дыхание перехватило, а во рту появился кислый металлический привкус, словно я только что перенесла тяжелейший приступ мигрени с аурой. Пальцы правой руки мелко, непрерывно дрожали.

Ирина стояла за прикрытой дверью, оставив лишь узкую щель на цепочке. Её лицо побледнело, а глаза сузились.

— Не смей устраивать здесь истерик, — тихо, но с явной угрозой произнесла она. — Ты пугаешь соседей. Если ты сейчас же не уйдешь, я вызову охрану дома.

Я смотрела на неё сквозь мутную пелену в глазах.

Что это было? Галлюцинация? Сбой нейронов после тяжелой контузии мозга? Ретроградный психоз, спровоцированный шоком от измены мужа и предательства подруги? Мой врачебный ум терапевта судорожно пытался выстроить дифференциальный диагноз: реактивное состояние, психомоторный пароксизм, сосудистый криз. Органическое поражение центральной нервной системы после черепно-мозговой травмы способно выдавать сложнейшие псевдовоспоминания.

Но холодный больничный свет, писк монитора и эта липкая, чужая ненависть у моей постели стояли перед глазами с пугающей четкостью. Я физически ощущала этот след на подушечках пальцев — словно коснулась провода под остаточным напряжением.

— Я ухожу, — сказала я. Голос был хриплым, чужим, но

абсолютно спокойным.

— Вот и отлично, — бросила Ирина. — Адвокат Саши свяжется с тобой, если оставишь контакты.

Дверь захлопнулась. Щёлкнул новый замок, отрезая меня от семи лет брака, от моих книг, от посуды, от семейных фотографий и от человека, которого я считала своей опорой.

Я стояла одна на холодной лестничной клетке.

Ни криков, ни слез, ни попыток колотить кулаками в бронированную сталь. В критических ситуациях у меня всегда включался жесткий профессиональный автоматизм: сначала стабилизировать витальные функции, оценить обстановку, собрать анамнез и проверить факты.

Я спустилась на лифте вниз. Консьержка внизу — пожилая Марфа Семеновна, знавшая меня пять лет, — при моем появлении торопливо отвела глаза и сделала вид, что увлечена заполнением журнала дежурств. Значит, все всё знали. Весь подъезд, все общие знакомые уже привыкли к новой хозяйке квартиры на седьмом этаже.

На улице дул колючий январский ветер, бросая в лицо сухую снежную крупу.

Я дошла до ближайшей кофейни, села за угловой столик у окна и положила руки на стол. Пальцы постепенно согрелись, тремор уходил.

Квартира принадлежала Александру до брака — юридически претендовать на неё не имело смысла. Развод, оформленный в одностороннем порядке во время моей комы, мож-

но было оспорить в суде, нанять юристов, потратить месяцы на процессуальные баталии, выбивать компенсации... Но ради чего? Чтобы заставить вернуться мужчину, который женился на подруге, пока я была на грани жизни и смерти? Нет. Брак был мертв, и реанимировать труп я не собиралась.

Меня держало другое.

То странное, не укладывающееся в клиническую картину ощущение при касании Ирины.

Я врач. Я привыкла верить анализам, рентгеновским снимкам и пальпации. Мозг после тяжелой травмы мог дать сбой, но почему этот «сбой» показал мне палату реанимации с ракурса лежащего человека и лицо Ирины, полное ледяного расчета?

Она действительно приходила ко мне в больницу? Или это мой собственный подсознательный страх сконструировал картинку предательства?

Мне нужны были три проверки, и я повторила их про себя, чтобы не дать шоку снова разнести мысли в стороны.

Сначала — журнал посещений отделения интенсивной терапии за ноябрь-декабрь. Затем — судебное решение о разводе. И отдельно — подтверждение, была ли Ирина в моей палате на самом деле.

Если мой разум сыграл со мной злую шутку — мне нужно к неврологу. Но если то, что я увидела, произошло в реальности, значит, за моим вычеркиванием из жизни стояло нечто гораздо более страшное, чем банальная супружеская

измена.

Ветер за окном швырнул горсть снега в стекло. Прежней жизни больше не существовало. Оставалась только правда, которую мне предстояло выяснить самой.

Глава 2

Утро встретило меня серым, набрякшим московским небом и тупой, давящей болью в затылке. Словно внутри черепа медленно проворачивался ржавый металлический диск.

Я провела ночь в дешевой гостинице у метро «Сокол». Спать не получалось: стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором вспыхивал белый больничный свет, а в ушах начинал пульсировать сухой, механический писк кардиомонитора. Моя собственная неподвижная рука под капельницей и лицо Ирины, склонившееся над спинкой кровати. Не плачущее, не испуганное — сосредоточенное, наполненное тяжелым, нетерпеливым раздражением.

В восемь утра я уже сидела за шатким столом с чашкой растворимого кофе, открыв ноутбук.

Врачебное мышление — упрямая вещь. Когда терапевт сталкивается с противоречивыми симптомами, он не строит догадок; он собирает объективные данные. Любая гипотеза, даже самая дикая, должна быть проверена стандартными диагностическими методами.

Первым делом я открыла портал судов общей юрисдикции.

Пальцы двигались по клавиатуре механически точно. Поиск по фамилии: Соколов Александр Викторович. Районный

суд по месту нашей прежней прописки.

Карточка дела открылась мгновенно. Исковое заявление о расторжении брака зарегистрировано в конце ноября — ровно через две недели после того, как меня перевели из реанимации в палату интенсивной терапии с диагнозом «кома II степени, диффузное аксональное повреждение головного мозга». В графе «Истец» — Александр. В графе «Представитель ответчика» — назначенный судом адвокат по назначению.

Основание: «фактическое прекращение семейных отношений, невозможность совместного проживания, длительное отсутствие сознания и неблагоприятный медицинский прогноз».

Решение вынесено в двадцатых числах декабря. Вступило в законную силу в январе.

Я сделала скриншоты страницы, скачала электронную копию судебного акта и сохранила файлы в отдельную защищенную папку на виртуальном диске. Руки не дрожали. Внутри образовалась странная, ледяная тишина, какая бывает при виде безнадежного рентгеновского снимка, на котором легкие уже затянуты плотной патологической тенью.

Юридически все было безупречно. Процедура проведена чисто, цинично и до омерзения быстро. Александр не ждал, пока я приду в себя. Он оформлял бумагу, освобождающую его от обязательств перед искалеченной женщиной, в то время как мои коллеги в Склифе боролись за каждый мой са-

мостоятельный вдох.

Я закрыла вкладку суда и открыла социальные сети.

Профиль Александра был закрыт настройками приватности, но страница Ирины оставалась публичной. Она всегда любила внимание, вела блог о здоровом образе жизни и правильном питании, щедро делясь фотографиями интерьеров, профессиональных курсов и эстетичных завтраков.

Я прокрутила ленту вниз, к январским публикациям.

Вот оно.

Фотография из Грибоедовского загса. Лаконичная подпись: «Новый этап. Навсегда».

Ирина была в кремовом шелковом костюме, подчеркивающим её тонкую талию. Она улыбалась своей фирменной, мягкой и чуть сдержанной улыбкой победительницы. Рядом стоял Александр в темно-синем пиджаке.

Я приблизила изображение на экране, вглядываясь в лицо мужчины, с которым прожила семь лет.

Что-то в его облике царапало взгляд. Это не был счастливый новобрачный, но и не сломленный горем человек, нашедший утешение. Плечи Александра были напряженно приподняты, галстук затянут слишком туго, а взгляд — темный, стеклянный, устремленный куда-то мимо объектива. Его правая рука судорожно, почти до побелевших костяшек вцепилась в локоть Ирины, словно без этой опоры он мог потерять равновесие.

Я невольно коснулась подушечками пальцев матового

стекла экрана прямо поверх его лица.

И в ту же секунду меня снова обожгло.

Это было слабее, чем вчерашнее прямое прикосновение к живой коже Ирины, но сигнал оказался безошибочно узнаваемым.

Никаких визуальных картинок или звуков. Только плотный, мутный эмоциональный отпечаток, словно тяжелый электрический фон от высоковольтного кабеля. Ненормальная, выматывающая, вязкая тяга. Ощущение слепого, давящего принуждения, переплетенного с липким, удушающим чувством вины и постоянного страха отпустить эту женщину хотя бы на шаг. От фотографии фонило чужой неестественной фиксацией — так пахнет застарелая зависимость или тяжелое компульсивное расстройство.

Я резко отдернула руку. Дыхание перехватило, сердце гулко стукнуло о ребра.

— Прекрати, Соколова, — вслух сказала я себе, глядя на свои побелевшие пальцы. — Ты врач. Ты ищешь мистику там, где есть обычная человеческая подлость и психопатология.

Но профессиональная честность требовала признать: эмоциональный фон на снимке не укладывался в моё представление о спокойной влюблённости. Тепла я не чувствовала — только вязкую фиксацию, вину и страх. Назвать это насилием я пока не имела права.

Я закрыла ноутбук. Первое впечатление можно счесть

психосоматикой, второе — навязчивой идеей. Но оставался главный, материальный вопрос, не зависящий от моих субъективных ощущений: приходила ли Ирина ко мне в реанимацию в действительности?

Если она там была, значит, у вчерашнего фрагмента существовал хотя бы один внешний якорь. Но даже это ещё не делало увиденное точной памятью и не объясняло, каким способом я получила чужой след.

Я накинула пальто, взяла сумку и спустилась на улицу.

Дорога до отделения реанимации и интенсивной терапии городской клинической больницы заняла около сорока минут. Знакомый серый корпус, пандус для скорых, тяжелые металлические двери приемного покоя. Запах спирта, озона и стерильных пеленок здесь не менялся годами.

В ординаторской дежурила Марина Кравцова — старшая медицинская сестра отделения, с которой мы не раз пересекались на междисциплинарных консилиумах еще до моей аварии.

Увидев меня на пороге, Марина выронила ручку на журнальный столик.

— Танечка?.. Господи, Соколова! Ты на ногах?

Она бросилась ко мне, неловко обняла за плечи, пахнущие холодом, и тут же отстранилась, профессионально оценивая цвет моего лица, устойчивость позы и симметрию зрачков.

— На ногах, Марина, — я слабо улыбнулась. — Память на

месте, координация в норме. Спасибо вашим ребятам, вытащили.

— Мы все молились, когда тебя привезли после ДТП, — Марина покачала головой, закрывая дверь ординаторской и щелкая чайником. — Там же всмятку машина была. Саша твой прибежал, бледный как полотно... Потом, правда, пропал куда-то.

— Марина, я по делу, — мягко перебила я её, присаживаясь на жесткий стул у стены. — Мне нужно восстановить хронологию. Пока я была на ИВЛ, кто ко мне приходил?

Марина нахмурилась, разливая кипяток по кружкам.

— В реанимацию вход строгий, ты же знаешь. Только близкие родственники, и то с разрешения заведующего. Муж твой сначала приходил, пару раз. Потом привел женщину... Подругу твою, Черных. Сказал, она врач, помогает с консультациями и лекарствами. Заведующий дал разовый допуск.

Внутри меня словно натянулась и зазвенела тонкая струна.

— А потом? Без Саши она приходила?

Марина замаялась. Она подошла к сейфу в углу комнаты, достала толстый журнал учета посещений реанимационного блока за прошлый год, перелистала пожелтевшие страницы.

— В конце ноября, — Марина ткнула пальцем в строчку, заполненную аккуратным почерком дежурного санитаря. — Двадцать седьмое число. Ночное дежурство. Черных Ирина

Павловна. Пропустили по служебной записке — якобы передать редкий препарат для стимуляции мозгового кровообращения. Была в палате около двадцати минут.

Двадцать седьмое ноября. Ровно за сутки до того, как Александр подал иск о разводе.

— Ты помнишь, что она делала? — тихо спросила я.

— Да кто ж за ней следил-то поминутно? — вздохнула Марина. — Ночь, двое тяжелых на аппаратах, в коридоре суета. Помню только, вышла она какая-то... дерганая. Спросила у дежурного реаниматолога, есть ли шансы, что ты выйдешь из комы до нового года. Ей сказали — прогноз сомнительный, скорее всего, паллиативный уход. Она кивнула, даже спасибо толком не сказала, и ушла.

Документы подтвердили главное: Ирина действительно была у моей койки в ту ночь и сама спрашивала о шансах на пробуждение.

Но мотив оставался мотивом, а не фактом. Я не знала, зачем именно она пришла, чего хотела услышать от реаниматолога и что решила после ответа. Вчерашнее прикосновение совпало с реальностью в месте, свете, больничных звуках и её присутствии — этого было достаточно, чтобы перестать списывать всё на случайную галлюцинацию. Эмоциональный смысл я всё ещё могла исказить.

От этого становилось не спокойнее, а страшнее. Непонятный мне способ восприятия впервые дал фрагмент, у которого нашлось независимое подтверждение, но вместе с под-

тверждением появилась обязанность не додумывать остальное.

— Таня, ты чего такая бледная? — встревожилась Марина, подходя ближе. — Тебе плохо? Давай давление померяю.

— Все в порядке, Мариночка. Просто устала с дороги, — я поднялась со стула, аккуратно вернув журнал на край стола. — Спасибо тебе. Ты мне очень помогла.

Выйдя из больничного корпуса на холодный воздух, я достала телефон.

Экран ожил: на нем высветился значок входящего сообщения с незнакомого номера.

Я открыла мессенджер.

Текст был кратким, без приветствий и лишних знаков препинания:

«Саша передал, что ты интересовалась вещами. Не трать время на суды и скандалы, Таня. Тебе здесь больше нечего ловить. Поезжай в свой Барнаул, к бабушкиному дому. Там тебе самое место. И не вздумай лезть в то, что тебя больше не касается».

Я перечитала сообщение трижды.

Ирина.

Она писала уверенно, но сквозь эту уверенность сквозило странное, нервное напряжение. Почему именно Барнаул? Почему старый дом бабушки Матрёны, о котором я сама не вспоминала последние года два?

Бабушка умерла пять лет назад, оставив мне по заве-

щанию деревянный дом на окраине Барнаула с небольшим участком и старыми вишневыми деревьями. Мы с Александром собирались его продать, но все не доходили руки: оформление документов требовало времени, а в Москве всегда кипела работа. Ирина знала про дом — я сама когда-то рассказывала ей о бабушке, о ее странных травах, сушившихся под потолком веранды, и о том, как местные жители ходили к ней со всей округи.

Но почему Ирина упомянула его именно сейчас, пытаюсь выставить меня из Москвы? В ее словах звучало не просто желание избавиться от брошенной жены — в них читался плохо скрытый страх, что я окажусь там раньше нее.

Я стояла у чугунных ворот больницы, глядя на проносящиеся по проспекту машины.

Остаться в Москве не имело смысла. Бороться за чужую квартиру, унижаться перед бывшим мужем, доказывать общим знакомым, что меня предали? На это уйдут месяцы, которые окончательно выжгут мне душу. У меня не было цели мстить или возвращать мужчину, который предал меня в палате реанимации.

Но у меня была другая цель.

Я должна была понять, что со мной происходит. Что за странную способность вскрыла во мне граница между жизнью и смертью? И почему моя лучшая подруга, забравшая моего мужа, так панически боится старого дома покойной ведуньи Матрёны?

Я открыла приложение авиабилетов. Ближайший рейс Москва — Барнаул вылетал сегодня в полночь из Домодедово.

Один клик — и электронный билет лег в почтовый ящик.

Я спрятала телефон в карман пальто, застегнула воротник от колючего январского ветра и зашагала к метро. Прежняя жизнь осталась в больничных палатах между жизнью и смертью. Я ехала за ответами туда, где всё когда-то началось.

Глава 3

Самолет коснулся полосы барнаульского аэропорта в половине седьмого утра по местному времени, когда за иллюминаторами еще стояла плотная, студеная сибирская темень.

Сухой мороз ударил в лицо сразу на выходе из стеклянного рукава терминала — резкий, чистый, пахнувший печным дымом и снегом, совершенно непохожий на влажную московскую слякоть. Термометр на привокзальной площади показывал минус двадцать два. Я перехватила ручку дорожной сумки, глубже запахла воротник пальто и взяла такси.

Дорога до старого района частной застройки за рекой Барнаулкой заняла около часа. Город постепенно сбрасывал многоэтажные кварталы, сужался до тихих заснеженных переулков с деревянными заборами, тяжелыми сугробами вдоль обочин и вековыми соснами, подпирающими светлеющее небо.

Дом бабушки Матрёны стоял на углу улицы — приземистый, из толстых просмоленных бревен, с резными наличниками вокруг трех широких окон. Крыша была укрыта ровной шапкой снега, но тропинка к калитке оказалась аккуратно расчищена лопатой.

Я расплатилась с водителем, вышла из машины и подошла к забору.

Здесь прошло мое детство. До пятнадцати лет каждое ле-

то я проводила в этих комнатах, пропахших сушеной полынью, зверобоем, воском и топленным молоком. Бабушка казалась мне тогда строгой, молчаливой и немного странной: она редко повышала голос, никогда не суежилась и часами могла перебирать травы на веранде, раскладывая их по полотняным мешочкам. К ней часто приезжали люди — из города, из соседних деревень, иногда даже из Новосибирска. Приезжали со своими бедами, сидели на кухне за закрытой дверью, уходили притихшие.

Я выбрала медицину назло этой непонятной тишине. Мне нужны были протоколы, клинические анализы, рентгенограммы и латинские термины — всё то, что можно проверить, измерить и записать в историю болезни. Бабушка моему выбору не мешала. Когда я поступила в медицинский, она лишь погладила меня по голове своей сухой, теплой ладонью и сказала: «Учись, Танечка. Телу свой порядок нужен. А когда другому порядку время придет — сама поймешь».

Пять лет назад ее не стало. Дом остался мне, но я появлялась здесь всего раз — оформить наследство у нотариуса.

Скрипнула калитка соседнего дома. На заснеженную дорожку вышла женщина в плотном пуховом платке поверх зимней куртки и в теплых валенках с галошами.

Зинаида Петровна. Соседка и давняя подруга бабушки, хранительница ключей от нашего дома.

Она замерла у штакетника, щурясь на меня из-под нависших седых бровей, а потом всплеснула руками в толстых

шерстяных варежках:

— Танечка?.. Господи помилуй, неужто ты?

Она заторопилась ко мне, взбивая валенками рассыпчатый утренний снег. Лицо у Зинаиды Петровны было круглое, румяное от мороза, с сетью мелких добрых морщинок вокруг глаз.

— Здравствуйте, Зинаида Петровна, — я шагнула ей навстречу, позволяя стиснуть себя в крепких, пахнущих сдобным тестом и печным жаром объятиях.

— Живая... Слава тебе господи, на ногах! — запричитала соседка, оглядывая меня с головы до ног и ощупывая рукава моего пальто. — Нам ведь в декабре звонили, сказали — наша Танюша после той аварии всё ещё в тяжёлом состоянии, надежды мало... Я свечи ставила, Матрёну поминала, просила, чтоб вымолила тебя оттуда. А ты вон она, приехала! Бледненькая только, прозрачная вся... Пойдем в дом, пойдем скорее, я вчера печь протапливала, как чуяла!

Она достала из кармана тяжелую связку ключей на медном кольце.

Мы поднялись по высокому деревянному крыльцу. Замок в массивной дубовой двери щелкнул легко, без сопротивления — петли были аккуратно смазаны.

Внутри пахло остывающим березовым деревом, сухими травами и старыми книгами. В сенях стоял морозный воздух, но в жилой половине дома держалось приятное, сухое тепло от протопленной голландки. Бревенчатые стены, бе-

ленные наличники, круглый деревянный стол под вышитой льняной скатертью, старый комод с зеркалом в углу — все осталось точно таким, каким было при жизни бабушки.

— Раздевайся, проходи, — суежилась Зинаида Петровна, стягивая платок. — Чайник сейчас поставлю. Я пирогов с брусникой напекла с утра, знала, что гости будут, только не думала, что ты... Дима сейчас подойти должен, племянник мой. Помнишь Димку Волкова? Он теперь врачом работает, в кризисной службе при областной больнице. Я его попросила дров наколоть да воду из колодца наносить, чтоб к твоему приезду все готово было.

— Помню смутно, — ответила я, снимая пальто и вешая его на кованый крючок у входа. — Он старше меня на пару лет?

— На три года старше, — кивнула соседка, гремя чайником у рукомойника. — Серьезный стал, молчаливый. Жена у него два года назад погибла, Мариночка... Дочка осталась, Алёнка, шесть лет девчонке. Вот он и тянет службу да ребенка. Помогает мне по хозяйству, золотой мужик.

Я прошла в комнату и подошла к широкому подоконнику, на котором стоял глиняный горшок с сухими стеблями герани.

Здесь не было московской спешки, не было чужих замков и предательства. Но внутри нарастало напряжение. Я приехала сюда не отдыхать и не прятаться от руин собственной жизни.

— Зинаида Петровна, — позвала я, поворачиваясь к женщине. — Бабушка перед смертью ничего для меня не оставляла?

Соседка замерла с полотенцем в руках. Её лицо вмиг стало серьезным, домашняя суетливость сошла, уступив место собранности человека, выполняющего давний наказ.

— Оставляла, Таня, — тихо сказала она. — За месяц до того, как слечь, позвала меня к себе. Положила на стол конверт, запечатанный сургучом, и сказала строго-настрого: «Зина, если со мной что случится — конверт спрячь. Тане сразу не отдавай. Ей он ни к чему, пока она в своей больнице спокойно живет. Но если придет день, когда у нее большая беда случится, на волосок от смерти побудет и сама в этот дом вернется — отдашь лично в руки. И никому больше».

У меня по спине пробежал отчетливый озноб.

«Пока на волосок от смерти не побудет...»

Фраза прозвучала пугающе точно, но я заставила себя не превращать её в пророчество. Бабушка не назвала ни дату, ни аварию, ни больницу. Она оставила условие на случай большой беды и моего возвращения — возможно, потому что знала о наследии больше, чем когда-либо рассказывала мне.

Скрипнула входная дверь в сенях, послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел мужчина.

В охапке он держал березовые поленья, от которых пахло свежим морозным спилом и корой. Высокий, широкопле-

чий, в расстегнутой зимней куртке и плотном темно-сером свитере с высоким горлом. Темные волосы чуть тронуты ранней сединой на висках, лицо с резкими, четкими чертами и внимательные, цепкие серо-голубые глаза.

Он аккуратно сгрузил дрова в плетеный короб у печи, отряхнул рукавицы и выпрямился, глядя прямо на меня.

Ни тени снисходительного сочувствия, с которым здоровые люди обычно смотрят на выживших в тяжелых катастрофах. Профессиональный, оценивающий взгляд врача, привыкшего работать с людьми в состоянии острого кризиса.

— Дмитрий, — коротко представился он, снимая кожаные перчатки и протягивая мне руку. Голос был негромким, глубоким и спокойным.

— Татьяна, — я ответила на рукопожатие.

Его ладонь была твердой, прохладной с улицы и сухой. Никакого мистического удара, никакой вспышки чужих воспоминаний не произошло. Обычный человеческий контакт, оставивший лишь ощущение внутренней собранности и усталости взрослого мужчины, несущего свой груз без лишних жалоб.

— Тетя Зина сказала, вы приехали утренним рейсом, — проговорил Дмитрий, оглядывая комнату. — Воду я занес, печь держит. Если нужно починить проводку или посмотреть задвижки на веранде — скажите, я сделаю до дежурства.

— Спасибо, пока ничего не нужно, — ответила я. — С хозяйством я разберусь.

Зинаида Петровна тем временем вышла в соседнюю комнату и через минуту вернулась, держа в руках плотный продолговатый конверт из желтоватой крафтовой бумаги. На клапане темнел круглый оттиск сургучной печати без рисунка. Поперек конверта твердым, размашистым почерком бабушки было выведено: «Татьяне».

Дмитрий заметил конверт, бросил быстрый взгляд на тетку, но ничего не сказал и не стал расспрашивать. Только отошел к окну, давая нам пространство.

— Вот, держи, — Зинаида Петровна протянула мне бумагу. Пальцы ее слегка подрагивали. — Мой долг перед Матрёной исполнен.

Я взяла конверт. Бумага была прохладной, плотной, пахнувшей высушенным чабрецом.

Сломав сургуч, я достала сложенный вдвое лист плотной тетрадной бумаги. Чернила местами выцвели, но строки читались совершенно отчетливо:

«Таня, внучка.

Если ты держишь в руках это письмо, значит, беда уже пришла и ты перешагнула край. Наш семейный дар по женской линии никогда не просыпается в покое. Ему нужна трещина между жизнью и смертью, чтобы выйти наружу. Твоя мать не захотела его нести и ушла рано. Я надеялась, что тебя эта чаша минует, но кровь не обманешь.

Если после большой беды ты начала видеть и чувствовать то, чего не видят другие — чужую боль, скрытую тягу, следы

чужих рук и намерений на вещах и людях — не пугайся и не думай, что сошла с ума. Это не болезнь головы. Это способность видеть связи, которыми люди привязывают или разрушают друг друга.

В моем сундуке под лавкой в дальней спальне лежит черная тетрадь в кожаном переплете. Открой ее. Там записано то, что я успела понять и сохранить. Береги ее и никому в руки не отдавай, кто бы ни просил и какими бы словами ни заманивал. Сила эта нейтральна: ею можно отвести беду и разорвать дурную связь, а можно подчинить чужую волю. Выбор всегда за тем, кто держит нить.

Матрёна».

Строки застыли перед глазами.

«Способность видеть связи... Это не болезнь головы».

Мой рациональный медицинский скептицизм, с которым я прожила тридцать пять лет, окончательно дал трещину. Бабушка не предсказала ни аварию, ни кому. Она оставила письмо на случай большой беды и описала то самое новое восприятие, которое я уже дважды испытала наяву. Совпадение было слишком точным, чтобы просто отмахнуться от него.

— Таня? Что там? — не выдержала Зинаида Петровна.

— Наказ бабушки, — ответила я, сворачивая письмо и пряча его в карман кардигана.

Дмитрий повернулся от окна, внимательно наблюдая за моим лицом. Как специалист кризисного профиля, он навер-

няка привык видеть людей, цепляющихся за мистику и семейные поверья в моменты тяжелых жизненных катастроф.

— Татьяна Александровна, — негромко произнес он, делая шаг к столу. — Вы перенесли тяжелейшую травму и личное потрясение. Психика после запредельного стресса и комы часто выстраивает защитные механизмы — обостряет интуицию, ищет скрытые смыслы, выдает яркие сенсорные проекции. Это физиология адаптации. Не перегружайте себя старыми тайнами прямо сейчас.

Я посмотрела на него прямо. В его словах не было насмешки — только спокойная врачебная забота и твердый материализм человека, привыкшего иметь дело с биохимией мозга.

— Спасибо за совет, доктор Волков, — ответила я ровно. — Но я сама врач и прекрасно знаю клиническую картину посттравматического синдрома. То, что написано в этом письме, лежит за пределами физиологии.

Дмитрий чуть приподнял бровь, но спорить не стал.

— Как знаете. Мое дело — предупредить. Если понадобится практическая помощь по дому или связь с местными службами — мой номер у тети Зины.

Он кивнул мне, попрощался с соседкой и вышел, плотно прикрыв за собой входную дверь.

Как только шаги Дмитрия затихли на крыльце, я повернулась к Зинаиде Петровне:

— Где сундук, о котором говорила бабушка?

— В дальней спальне, у окна, — соседка торопливо указала рукой на деревянную перегородку. — Я там пыль протирала, но замка не касалась. Матрёна велела не трогать.

Я прошла в дальнюю комнату. Здесь стояла узкая кровать с железными шариками на спинках, накрытая лоскутным одеялом, а в углу, под окном, выходящим в заснеженный сад, темнел массивный дубовый сундук с коваными железными уголками.

Навесной замок был открыт — ключ торчал в замочной скважине.

Я опустилась на колени на домотканый половик, повернула ключ и с глухим скрипом подняла тяжелую крышку. В нос ударил концентрированный запах сушеной мяты, лаванды и старой кожи.

Внутри лежали аккуратно сложенные отрезы льняного полотна, несколько деревянных шкатулок, пучки высушенных корней, перевязанные бечевкой, а на самом верху — толстая тетрадь в переплете из темно-коричневой потертой кожи без каких-либо надписей на обложке.

Я взяла ее в руки.

Кожа была плотной, шероховатой, со скругленными уголками. Между страницами ближе к середине виднелась закладка — простая суконная тесьма бордового цвета.

Я поднялась, села на край кровати и раскрыла тетрадь на заложенном месте.

Страница была исписана ровным, мелким почерком ба-

бушки Матрёны. Вверху стояла дата семилетней давности — за два месяца до того, как я впервые познакомилась в Москве со своей новой коллегой в терапевтическом отделении.

А прямо под датой первой строкой было выведено имя, от которого у меня перехватило дыхание:

«Ирина Черных. Приходила из города...»

Глава 4

Солнечный луч пробивался сквозь морозный узор на стекле, расчерчивая бревенчатую стену спальни ровными золотистыми полосами. В комнате стояла гулкая, хрустящая утренняя тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием остывающей печи да глухим шумом ветра в кронах вековых сосен за забором.

Я сидела на краю узкой кровати, не шевелясь.

Черная кожаная тетрадь лежала на моих коленях, открытая на заложенной бордовой тесьмой странице. Взгляд снова и снова возвращался к первой строчке, выведенной мелким, чуть суховатым бабушкиным почерком:

«Ирина Черных. Приходила из города...»

Рядом стояла дата: двадцать второе сентября, семь лет назад.

Семь лет.

Внутри меня словно провернулась тяжелая шестерня, срывая защитные зубья памяти. Я отчетливо вспомнила тот сентябрь. Я тогда только перешла на работу в отделение общей терапии крупной московской клинической больницы, разрывалась между ночными сменами, тяжелыми диагностическими случаями и попытками наладить семейный быт в новой квартире Александра. А в конце ноября — спустя два месяца после этой записи — в ординаторскую вошла новая

врач-методист. Подтянутая, элегантная, с безупречной улыбкой, в кашемировом пальто цвета горького шоколада и с папкой нормативных документов в руках.

«Здравствуйте, коллеги. Я Ирина Черных. Буду курировать клинические протоколы и стандарты качества».

Она сама подошла ко мне во время первого же обеденного перерыва, принесла кофе, пошутила по поводу вечно зависающей больничной базы данных и легко, между делом, упомянула, что тоже родилась в Алтайском крае, но давно перебралась в столицу. Нас связали общие воспоминания о сибирских зимах, бесконечные разговоры о дифференциальной диагностике сложных патологий и то неуловимое чувство родства, которое так быстро возникает между земляками в огромном мегаполисе.

Семь лет дружбы. Семь лет, которые я считала своей крепостью.

Я думала, что наша встреча в Москве была случайным совпадением. Обычным перекрестком двух медицинских судеб.

Но бумага под моими пальцами доказывала обратное: за два месяца до того, как Ирина подошла ко мне в ординаторской, она уже стояла на этом самом пороге в Барнауле.

Я опустила глаза ниже, вчитываясь в мелкие, плотно сжатые строки. Бабушка Матрёна никогда не вела дневников ради праздных воспоминаний. Каждая запись в этой тетради напоминала строгий клинический протокол — фиксация

симптомов, сбор анамнеза, оценка рисков и принятое решение.

«Приходила из города, молодая, глаза быстрые, цепкие, под кожей чует след хорошо. Руки поставлены, навык есть, но чужой, дурной руки работа. Пришла не учиться с первых шагов — пришла выведывать, как делать привязку намертво, чтоб чужая воля не соскользнула и через кровь держала. Расспрашивала про наши родовые узлы, про то, как отличать след от живой нити, и долго выпрашивала, кому дом останется и есть ли у меня наследница по женской линии. Откуда про Таню узнала — не сказала, но интерес к ней вела прямой, будто место чужое примеряла».

Строчки задрожали перед глазами.

«Руки поставлены, навык есть...»

Значит, Ирина не была случайной женщиной, нашедшей в интернете рецепт любовного зелья. Она пришла к Матрёне уже умеющей воздействовать, уже знакомой с механикой чужой боли и связей. Ей не нужны были азы. Ей нужны были глубокие родовые знания о том, как закрепить принуждение так, чтобы его невозможно было разорвать. И главное — она уже тогда знала обо мне. О внучке ведуньи, которая однажды могла унаследовать бабушкин дар.

Я перевернула страницу.

«В знании отказала. Тот, кто берет чужую волю в петлю ради корысти или страха, сам рано или поздно в этой петле задохнется. Объяснила ей закон: магия связей нейтральна,

как железо в кузнице. Им можно плуг сковать, а можно нож в спину вогнать. Если связываешь людей против их естества — платишь своей же плотью и покоем. Ушла злая, взгляд спрятала, но в доме след тяжелый оставила, липкий, как деготь. Тетради искала глазами по углам. Беречь надо записи. Таню предупредить не могу — не поверит, пока сама через край не перешагнет. Но если беда случится, здесь ответ найдёт».

Тетрадь захлопнулась с глухим стуком.

Я поднялась с кровати и подошла к окну, прижавшись лбом к холодному дереву рамы.

В голове немедленно начала складываться версия — слишком удобная, слишком цельная, чтобы принимать её за доказанный факт.

Первое в ней было твёрдым: Ирина пришла к Матрёне уже с навыком и искала знания о принуждении. Второе тоже подтверждалось записью: она заранее знала обо мне и интересовалась наследницей. А вот всё, что происходило после отказа, пока оставалось моей реконструкцией.

Она могла найти меня в Москве намеренно. Могла годами держаться рядом ради доступа к дому и записям. Могла при этом действительно считать меня подругой — люди прекрасно совмещают привязанность с корыстью, если им это удобно. Я не знала, где в семи годах близости заканчивалось настоящее и начинался расчёт.

Александр уже был частью моей жизни, когда появилась

Ирина. Через несколько месяцев она стояла на нашей свадьбе, держала бокал шампанского и желала нам долгих лет. Теперь этот старый эпизод выглядел иначе, но одно новое знание ещё не превращало каждую её улыбку в заранее спланированную операцию.

Тем более я не имела права привязывать к этой версии аварию. Я знала только, что в мае моя машина оказалась в кювете, а через месяцы Ирина заняла моё место рядом с Александром. Было ли между этими событиями нечто большее, предстояло доказывать отдельно — без дара, без красивой схемы и без желания получить виновную раньше фактов.

Но одна мысль уже не отпускала: если Ирина семь лет назад искала именно родовые записи и сведения о наследнице, то моё возвращение в дом могло быть для неё гораздо опаснее, чем сам развод. И если она действительно следила за тем, проявится ли во мне дар, теперь у неё появилась причина торопиться.

Скрипнула входная дверь в сенях.

Я быстро убрала тетрадь обратно в сундук, защелкнула замок, повернула ключ и спрятала его в карман брюк. Выйдя в главную комнату, я увидела Зинаиду Петровну.

Соседка несла в руках эмалированную миску, накрытую расшитым полотенцем, от которой поднимался густой пар с ароматом жареного лука и свежей картошки.

— Не спишь, Танюша? — ласково спросила она, ставя миску на круглый стол. — Вот, вареников с картошкой на-

стряпала. Поешь горяченького, а то на тебе лица нет с самого утра. Бледная, как полотно.

— Спасибо, Зинаида Петровна, — я заставила себя улыбнуться и села к столу. — Скажите... Вы помните, как семь лет назад сюда приезжала девушка из города? Высокая, темноволосая, одета дорого, городская вся из себя. Ириной звали.

Зинаида Петровна замерла с вилкой в руке. Морщинки вокруг ее глаз собрались в тугую, напряженный узел.

— Как не помнить... — медленно произнесла она, опускаясь на деревянную лавку напротив. — Осень тогда стояла сухая, лист только-только облетать начал. Приехала на черной машине, остановилась у перекрестка, долго у забора стояла, дом разглядывала. Потом зашла. Матрёна ее на кухню пустила, но дверь закрыла наглухо. Они часа два говорили. Слышно не было, но Матрёна голос повысила под конец — а она ведь отродясь ни на кого не кричала.

— О чем они спорили, не знаете?

— Слов не разобрала, — покачала головой соседка. — Только помню, как девка эта выскочила на крыльцо. Лицо белое, губы поджаты, а в глазах такая злая стынь стояла, что у меня мороз по спине пробежал. Она на меня глянула, сквозь зубы сплюнула и бросила: «Старая дура. Думает, если дом заколотит, знание в гробу сгниет. Все равно моим будет». Села в машину и упылила. А Матрёна потом три дня в доме полы солью мыла да полынью окуривала. Сказала мне тогда:

«Тяжелый человек, Зина. Чужой корень в ней сидит, порченный. Не за добром пришла и не с добром уйдет».

Слова соседки легли на записи в тетради с абсолютной, пугающей точностью.

В кармане моего кардигана коротко завибрировал телефон.

Я достала аппарат. На экране высветилось уведомление о новом сообщении в мессенджере. Тот самый незнакомый номер, с которого вчера пришло требование уехать из Москвы.

Ирина.

Я открыла диалог.

«Таня, я знаю, что ты в Барнауле. Саша очень переживает, что ты уехала в таком состоянии, без наблюдения врачей и в глушь. Если тебе нужны деньги на первое время или помощь с обустройством — мы готовы перевести разумную сумму на твой счет. Но у меня к тебе личная просьба: в вещах твоей бабушки должны были остаться старые рукописные травники и ботанические справочники по сибирским сборам. Мы в институте сейчас готовим научную публикацию по фитотерапии, они очень помогли бы для исторической справки. Отдай их Сашиному курьеру, он может подъехать завтра в любое удобное время. Не держись за старую макулатуру, начни жизнь с чистого листа».

Я смотрела на светящийся экран, чувствуя, как внутри закипает ледяное, кристально чистое спокойствие.

Какая забота. Какая трогательная научная целесообразность.

«Ботанические справочники по фитотерапии».

Она не звонила, не требовала, не угрожала открыто. Она действовала привычным, отточенным методом: мягкое давление, маскировка под благое дело, готовность откупиться деньгами и непреодолимое желание забрать то, за чем она охотилась больше шести лет — рабочую тетрадь Матрёны.

Тетрадь была ей нужна настолько, что спустя семь лет она снова просила отдать «старую макулатуру» почти сразу после моего приезда. Этого факта мне хватало. Чего именно она опасалась и сколько прошлых событий связано с этими записями, ещё предстояло выяснить.

Я заблокировала экран и убрала телефон обратно в карман.

— Нехорошие вести? — тихо спросила Зинаида Петровна, внимательно следившая за моим лицом.

— Обычные, — ответила я, беря вилку. — Просят отдать то, что им не принадлежит.

— Не отдавай, — твердо сказала соседка. — Матрёна зря ничего не наказывала. В этом доме каждый угол за тебя держится, пока ты сама себя не предашь.

Я молча кивнула.

Один вопрос был закрыт: наше знакомство в Москве не было случайностью. Ирина знала о Матрёне и обо мне раньше, чем подошла ко мне в ординаторской. Но сколько в по-

следующих годах было расчёта, а сколько настоящей близости, я пока доказать не могла — и именно это делало предательство ещё грязнее.

Но на смену этому вопросу вставал другой, куда более опасный: кто был тем первым наставником, который обучил Ирину основам привязок и передал ей философию контроля над чужой волей? И насколько далеко она готова зайти теперь, когда поняла, что тетрадь осталась у законной наследницы?

Глава 5

Март в Барнауле начинался не с капли, а с колючих, сухих метелей, которые за одну ночь напрочь стирали тропинки и наметали плотные сугробы до середины дощатого забора.

Каждое утро начиналось с широкой фанерной лопаты. Я выходила на крыльцо в старой отцовской телогрейке, пахнущей овчиной и сухим табаком, натягивала рукавицы и метр за метром пробивала проход к калитке. Физический труд возвращал телу нормальный тонус быстрее любых реабилитационных процедур: руки окрепли, дыхание выровнялось, а тяжесть в мышцах к концу первой недели сменилась привычной рабочей собранностью. Морозный воздух обжигал легкие, выбивая из головы остатки московского оцепенения и ту липкую, бессильную злость, которая накрывала меня в первые дни после возвращения.

В доме бабушки Матрёны я постепенно привыкала к особому, размеренному укладу. Бревенчатые стены надежно держали тепло натопленной голландки, в комнатах пахло сухим березовым спилом, старыми книгами и горьковатой пылью.

Черная кожаная тетрадь лежала в сундуке под замком. Я доставала ее только по вечерам, когда за окнами стихал ветер и в темных стеклах отражалось лишь пламя керосиновой

лампы. Я перечитывала короткие, емкие записи Матрёны, вглядываясь в пожелтевшие страницы.

Бабушка писала о связях просто, строго и трезво. Без туманного мистического пафоса, без заклинаний ради красивого слова — почти как опытный клиницист в истории болезни. В ее мире существовал четкий порядок: есть естественный эмоциональный след, оставленный человеком от сильной боли, страха или любви, а есть искусственная, навешенная привязка, ломающая чужую волю ради корысти. И перепутать их было проще простого, если поддаться чужой панике или собственной гордыне.

Мой врачебный опыт требовал жесткого рабочего правила: сначала исключить обычную болезнь тела или помрачение ума, и только если для симптомов нет земного объяснения — искать скрытое воздействие. Человек слаб, он охотно готов списать собственную лень, застарелую язву, дурной характер или семейную ссору на колдовство соседки, лишь бы не брать ответственность за свою жизнь. Пойти на поводу у такого страха значило стать обычной шарлатанкой.

Первый случай для проверки моего нового восприятия пришел в четверг, когда метель наконец улеглась, уступив место звонкому, кристально-прозрачному сибирскому морозу.

Около полудня заскрипела калитка. В окно я увидела Зинаиду Петровну, которая осторожно вела под руку незнакомую грузную женщину в дорогой дубленке с песцовым во-

ротником и плотном пуховом платке, надвинутом до самых глаз. Гостья шла с видимым трудом, тяжело опираясь на деревянную трость с резиновым наконечником, поминутно останавливалась, хваталась за сердце свободной рукой в замшевой перчатке и оглядывалась по сторонам так затравлено, будто из каждого сугроба за ней следили враги.

Я накинула шаль на плечи, вышла в холодные сени и распахнула тяжелую входную дверь.

— Танечка, дочка, прими, Христа ради, — зашептала Зинаида Петровна, помогая спутнице преодолеть три высокие ступени крыльца. — Это Валентина Семеновна, моя троюродная сестра по покойному мужу, из города приехала. Со всем извелась баба, тает прямо на глазах, по ночам криком кричит. К Матрёне покойной всегда бегала, когда прижимало, а теперь вот про тебя от меня услышала... Говорит, только на тебя вся надежда осталась.

— Здравствуйте. Проходите в дом, садитесь к печи, здесь тепло, — я посторонилась, пропуская женщин в жилую комнату.

Валентина Семеновна с глухим, надсадным стоном опустилась на широкую деревянную лавку, прислонив трость к косяку. Она тяжело, прерывисто дышала ртом, распространяя вокруг себя густой, удушливый запах аптечного корвалола.

Когда она дрожащими пальцами стянула пуховый платок, мне не понадобились никакие сверхспособности, чтобы

мгновенно оценить клиническое состояние. Серовато-землистый, одутловатый цвет лица с синеватым отливом на крыльях носа и губах. Глубокие мешки под потухшими глазами. Выраженная одышка в покое — грудь ходила ходуном, словно женщина только что поднялась на пятый этаж без лифта. Пальцы рук были настолько плотными и отеками от застоя жидкости, что тонкие золотые перстни буквально врезались в кожу, перетягивая суставы.

— Помоги, Таня... спаси, если можешь, — заговорила Валентина Семеновна сиплым, надтреснутым голосом, судорожно комкая в кулаке мятый носовой платок. — Порча на мне лежит. Тяжелая, смертная, на сухотку сделанная. Изводят меня со свету, каждую ночь душу из тела вытягивают!

— Почему вы так уверены, что это именно порча? — спросила я спокойно, присаживаясь напротив нее на деревянный стул и пододвигая госте кружку с теплой кипяченой водой. — Расскажите по порядку, с чего всё началось и что именно с вами происходит.

Зинаида Петровна тихонько присела на краешек сундука у входа, боясь даже громко вздохнуть, чтобы не нарушить разговор.

— Да как же не порча-то, господи? — Валентина Семеновна всхлипнула, и в ее слезящихся глазах мелькнул неподдельный, почти животный страх. — С осени всё пошло прахом, аккуратно как сын мой младший, Игорек, женился. Привел в дом девку городскую, змею подколенную! Втерлась в

доверие, на шею села, а сама только и смотрит волком — ждет не дождется, когда я квартиру освобожу! Как глянет на меня на кухне из-под бровей — меня сразу в пот бросает, в груди огнем печет, словно раскаленный уголь проглотила, вздохнуть не могу! А по ночам что творится... Ложусь на постель — и будто чугунная плита на грудь падает. Сердце колотится где-то в самом горле, в ушах колокола звонят, воздуха не хватает, пот ледяной градом катится... Вскакиваю, форточки распахиваю, а дышать нечем!

Она сделала судорожный глоток воды, расплескав несколько капель на стол:

— Я к знахарке одной на Власиху ездила в январе. Та воск в воду лила, шептала долго, а потом и говорит: «Сделано тебе, женщина, на медленную погибель. Подклад у тебя под порогом зарыт — мертвое яйцо со швейными иглами. Сноха твоя на кладбище ходила, землю с безымянной могилы тебе в обувь сыпала, чтоб ты до первой весенней травы в гроб легла!» Я и соль четверговую по углам сыпала, и воду заговоренную пила литрами, и свечи жгла — ничего не помогает! С каждым днем только хуже. Ноги вон как бревна стали, в зимние сапоги не влезаю, три шага пройду — и задыхаюсь, темнеет в глазах. Сними эту гадость, Танечка! Матрёна покойная любые узлы развязывала, и ты сможешь! Заплачу сколько скажешь, последние сбережения отдам, только жить хочу, внука увидеть хочу!

Она поспешно полезла толстыми непослушными пальца-

ми в глубокий карман дубленки, пытаясь достать пухлый кошелек, но я твердо накрыла ее руку своей ладонью:

— Уберите деньги, Валентина Семеновна. Спрячьте.

Я смотрела на нее, и во мне с абсолютной ясностью работал привычный врачебный фильтр.

Симптомы были слишком серьёзными, чтобы объяснять их одной «порчей»: одышка в покое, отёки, боли в груди, невозможность нормально лежать ночью. Здесь требовалось обычное обследование, и чем скорее, тем лучше.

Страх перед невесткой и слова знахарки могли усиливать приступы, но я не собиралась назначать мистику причиной того, что сначала должен проверить врач.

Но чтобы мой ответ был честным до конца, я должна была проверить ее тем способом, которому учила Матрёна.

— Положите руки на стол, — негромко сказала я.

Валентина Семеновна торопливо вытянула обе отекавшие ладони, затаив дыхание и ожидая магических жестов или старинных заговоров.

Я опустила пальцы правой руки на ее запястье, нащупывая частый, аритмичный пульс, а левую руку мягко положила на ее предплечье. Закрыла глаза и позволила внутреннему барьеру чуть приоткрыться, прислушиваясь к ощущениям под кожей.

Сенсорный отклик пришел почти мгновенно.

Никакого жесткого, металлического удара, как при случайном касании Ирины у московской квартиры, не произо-

шло. Не было ощущения чужой, направленной извне злой воли. Не было холодной искусственной петли или липкого следа привязки.

Контакт отозвался тяжёлой, вязкой волной. Страх, раздражение, обида — всё это было её собственным, живым и беспорядочным. Но я не услышала слов, не увидела тайного обряда и не почувствовала чужой активной связи, которая держала бы Валентину Семёновну извне.

Я отпустила её руку и снова посмотрела уже как врач. Отёкшие щиколотки, одышка после трёх ступеней, привычка спать почти сидя, потому что лёжа «не хватает воздуха». Это требовало не мистического толкования, а нормального обследования — и желательно сегодня.

— Валентина Семёновна, на вас я не чувствую порчи, — сказала я. — Но мне очень не нравится ваше дыхание и отёки. Вы давно были у врача?

Она уставилась на меня так, будто я нарочно сменила тему.

— Какого ещё врача? Я тебе про сноху говорю. Ночью душил именно после того, как она ко мне приходит!

— Поэтому и спрашиваю. Когда человеку страшно или он злится, самочувствие может становиться хуже. Но это не объясняет причину. Причину нужно проверить в больнице.

— То есть знахарка соврала? — голос у неё сразу стал жёстче. — И яйцо под порогом выдумала?

— Я не знаю, что она вам показывала. Я знаю только то,

что чувствую сейчас: чужой связи на вас нет. А симптомы опасные.

Валентина Семёновна резко поднялась с лавки. Трость упала на пол, и она едва не потеряла равновесие, хватаясь рукой за край стола. Я автоматически шагнула ближе, но она отмахнулась.

— Пустышка! — просипела она. — Я к тебе за спасением пришла, а ты меня по больницам гоняешь! Думаешь, я не знаю, как там лечат? Таблетку дадут и домой!

— Может быть, дадут таблетку. Может быть, оставят. Но сначала вас должны осмотреть и понять, почему вы задыхаетесь. Я не стану изображать снятие порчи только потому, что такой ответ вам приятнее.

Она смотрела на меня с настоящей обидой — не театральной. Ей нужен был враг с именем и понятная причина, а я оставляла её с куда менее удобной необходимостью заниматься собственным здоровьем.

— Зинка, пошли, — бросила она, натягивая платок. — Нечего тут сидеть.

Тяжёлая дверь хлопнула так, что на полке звякнули чашки.

Зинаида Петровна задержалась в сенях, виновато поправляя платок.

— Танечка, ты уж не сердись. Характер у неё такой. Но Матрёна-то всегда хоть травку какую давала, человека без надежды не отпускала.

— И бабушка не стала бы держать человека дома, если ему тяжело дышать, — ответила я. — Позвоните её сыну. Пусть сегодня отвезёт мать на осмотр. Не завтра и не после ещё одной знахарки. Сегодня.

Зинаида Петровна всмотрелась в меня, вздохнула и кивнула.

— Ладно. Игорька сейчас наберу. Он меня послушает, даже если мать ругаться будет.

Она торопливо вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна в тишине комнаты.

Отказ получился неприятным. Валентина Семёновна ушла, уверенная, что я ничего не умею, Зинаида Петровна ушла тревожная, а я не получила красивого подтверждения бабушкиного дара. И всё же именно это оказалось полезнее любой эффектной мистики.

Если я начну видеть чужую волю там, где её нет, дар станет не защитой, а удобным способом объяснять всё подряд. Сегодня он показал границу: сильные эмоции человека можно почувствовать, но они не равны порче. А мои медицинские догадки всё равно обязаны подтверждаться обычным обследованием.

К вечеру небо снова затянуло низкой свинцовой пеленой, и повалил густой, крупный снег, скрывая следы ушедших гостей и глуша все звуки за стенами дома.

Около восьми часов вечера я накинула пальто, взяла фо-

нарик и вышла на крыльцо, чтобы принести с веранды охапку сухих березовых поленьев для ночной топки.

Мороз крепчал, термометр на наличнике показывал минус восемнадцать. Свежий белый слой уже ровно укрыл ступени.

Я сделала шаг к перилам и внезапно замерла на месте, опустив луч фонаря вниз.

Прямо у самого порога, на верхней дубовой доске, где снег только-только начинал припорошивать дерево, темнел небольшой посторонний предмет. Днем, когда я выметала крыльцо после Валентины Семеновны, здесь было абсолютно пусто и чисто.

Я медленно опустилаcь на корточки, не прикасаясь к находке руками.

Это был плотный, туго скрученный узелок из суровых черных ниток, густо переплетенных с сухими стеблями колючего могильника и клочком спутанной, грязной собачьей шерсти. А прямо из середины узла торчала старая, тронутая ржавчиной швейная игла с отломанным ушком.

Но главное было не во внешнем виде.

Даже не касаясь предмета голой кожей, на расстоянии полуметра, я физически ощутила, как от него исходит тяжелый, колючий, липкий холод. Воздух вокруг порога словно загустел, в висках мгновенно возникло тупое, сдавливающее давление, а во рту появился отчетливый, кислый металлический привкус, похожий на вкус батареек.

Это не было человеческой соматической болезнью. Не было страхом, обидой или чужой старческой злостью.

Это была настоящая, активная чужая связь, положенная прямо под мою дверь.

Глава 6

Морозный ночной воздух мгновенно остудил разгоряченное лицо, но внутри все сжалось в тугую, ледяной комок.

Я стояла на верхней ступени крыльца, не шевелясь и не отводя взгляда от находки. Луч карманного фонаря выхватывал из темноты неровный круг: белое дерево, тонкий налет свежего мартовского снега и черную, неопрятную путаницу ниток прямо у порога.

Предмет лежал открыто. Никто не пытался засунуть его под доски, спрятать в щель между бревнами или закопать в сугроб у калитки. Его бросили именно сюда, рассчитывая на то, что хозяйка дома перешагнет через порог в темноте, зацепит край подолом пальто или наступит ногой.

Я медленно опустилась на корточки, удерживая дистанцию.

Днем это крыльцо было чистым. Когда уходила Валентина Семеновна, я лично сметала снег березовым веником до самых нижних ступеней. Значит, подклад принесли в сумерках, между шестью и восемью вечера, пока я возилась на кухне с растопкой печи и шумела чугунной заслонкой. Собаки на нашей тихой улице лаяли около семи — лениво, без злобы, как обычно лают на случайного прохожего. Я тогда даже не выглянула в окно, списав шум на запоздалого почтальона или соседа.

От узелка исходил холод, совершенно не похожий на сибирский мороз.

Зимний холод был чистым, сухим, обжигающим легкие и заставляющим кровь бежать быстрее. Этот же холод ощущался как застоявшаяся, тяжелая сырость из закрытого подвала. Он не морозил кожу — он давил изнутри, вызывая глухую, ноющую боль в висках и странное, противоестественное желание немедленно развернуться, запереть дверь на все засовы и забиться в дальний угол комнаты, укрывшись с головой.

Я перевела дыхание и заставила себя успокоиться.

Никакой паники. Врач, испугавшийся первого тяжелого симптома, теряет способность мыслить.

Я внимательно осмотрела структуру подклада в резком свете диода: черные суровые нитки, грубые, шершавые, завязанные сложными узлами-петлями. В них вплетены ломкие серые стебли могильника — горькой, ядовитой травы с кладбищенских пустырей. Клок грязной, свалывшейся собачьей шерсти со следами засохшей глины. И старая толстая игла, глубоко загнанная в сердцевину узла, с отломанным ушком, торчащая острием наружу, прямо в сторону дома.

В памяти всплыли строки из черной тетради Матрёны, которые я читала прошлой ночью: «Порча на дом всегда ищет точку входа. Сама по себе вещь — просто мусор, тряпка да ржавое железо. Но пока в ней держится воля того, кто ее связал, она тянет за собой морок. Не пускай в дом. Не трогай го-

лой рукой, пока нить не перебита. Разрубишь связь — вещь станет пустой. Направишь обратно — сама станешь такой же, как тот, кто зло завязал».

Правило было предельно ясным: нейтрализовать, разорвать связь, но не бить в ответ.

Я поднялась, вернулась в сени и надела плотные рабочие брезентовые рукавицы, которые нашла в ящике для инструментов. Взяла из кладовой широкий металлический совок для золы и старый кованый кухонный нож с тяжелым лезвием, которым бабушка когда-то рубила хрящи.

Снова вышла на крыльцо. Ветер на мгновение стих, словно пространство вокруг дома замерло в напряженном ожидании.

Я опустилась на одно колено прямо в снег.

Чтобы разорвать наведенную связь, нужно было сначала увидеть ее внутреннюю направленность — понять, куда именно она тянется и за что цепляется. Не глазами — тем внутренним чутьем, которое проснулось во мне после больницы койки.

Я сняла рукавицу с правой руки, занесла раскрытую ладонь над подкладом на высоте пяти сантиметров, не касаясь ниток, и сосредоточилась.

Сенсорный удар был резким.

Воздух между моими пальцами и черным узлом мгновенно налился свинцовой тяжестью. Меня качнуло вперед, словно под ногами провалилась ступень. Перед глазами не воз-

никло лиц или конкретных комнат — это был не эмоциональный след живого человека, как у Валентины Семеновны, а жесткая, искусственная конструкция.

Я отчетливо различила два потока: Первый шел от самой иглы — короткий, острый, навязчивый импульс глухого раздражения, бессонницы, мелких домашних ссор и постоянно-го, беспричинного страха. Он был направлен не на конкретного человека, а на все жилое пространство за порогом. Этот подклад должен был методично выживать меня из бабушкиного дома, превращая каждую ночь в кошмар, лишая сил и заставляя бросить все и бежать обратно в город.

Второй поток был едва заметным, тонким, как волосок, уходящим во тьму за пределы участка — поводок, связывающий носитель с тем, кто его изготовил и вложил намерение.

Во рту мгновенно пересохло, в виски ударила острая, пульсирующая боль, отдающая в глазные яблоки. Сердце заколотилось с перебоями. Мое тело сопротивлялось чужеродному давлению, но я удерживала контакт, нащупывая ту самую точку, где узел держал структуру.

Точка схождения находилась прямо у основания обломанной иглы. Там, где нити стягивали сухую траву.

«Разрубить, не возвращая».

Я перехватила тяжелый нож левой рукой, приставила лезвие точно к месту перекрестья нитей у острия иглы и с силой надавила вниз, упираясь клинком в мерзлую доску ступени. Металл с сухим хрустом перерезал суровые нити.

В ту же секунду меня словно ударило электрическим разрядом сквозь рукоять ножа.

В ушах тонко, пронзительно зазвенело. Воздух над порогом на долю секунды дрогнул, как марево над раскаленной плитой, и тяжелый, липкий холод с глухим шелестом распался. Словно лопнула туго натянутая струна.

Давление в висках отпустило так резко, что к горлу подкатила волна тяжелой, горькой тошноты. Пальцы правой руки свело судорогой, по спине пробежал ледяной пот. Я уперлась ладонью в деревянный косяк, судорожно глотая морозный воздух ртом.

Но под порогом больше ничего не фонило.

Перед моими глазами лежал обычный, жалкий мусор: разрезанные пополам нитки, осыпавшиеся серые былинки травы, ком шерсти и тусклая ржавая иголка. Мистическая связь была разорвана. Предмет перестал быть проводником чужой воли и стал мертвой материей.

Я глубоко вздохнула, справляясь с головокружением. Цена нейтрализации оказалась ощутимой: в теле разлилась чудовищная слабость, мышцы отяжелели, а перед глазами плавали мелкие темные мушки. Тетрадь Матрёны не врала — вмешательство в активную связь всегда требовало платы собственной энергией. Никаких новых попыток считывания сегодня предпринимать было нельзя: нервная система была истощена до предела.

Натянув брезентовую рукавицу, я аккуратно подцепила

совком остатки подклада вместе со снегом и ссыпала их в пустую стеклянную банку из-под консервации, плотно закрутив металлическую крышку.

Уничтожать или сжигать предмет я не стала. Вещественное доказательство должно было остаться целым. Врачебная привычка сохранять образцы для повторной проверки никуда не делась: если это воздействие имело материальную основу и конкретного автора, образец еще мог пригодиться.

Скрипнула калитка.

На тропинке показался высокий силуэт в расстегнутой зимней куртке. В свете уличного фонаря я узнала Дмитрия Волкова. Он нес в руке небольшой чемоданчик с инструментами, шагая уверенно и широко.

Увидев меня на крыльце — бледную, опирающуюся на перила, с ножом и совком в руках — он ускорил шаг и через несколько секунд уже поднялся по ступеням.

— Татьяна Александровна? — его голос прозвучал сдержанно, но взгляд серо-голубых глаз мгновенно зафиксировал мое состояние: дрожащие пальцы, мелкую испарину на лбу, неестественную бледность губ. — Что случилось? Вам плохо?

Он не стал бросаться с неуместными расспросами, не начал суетиться. Дмитрий поставил чемоданчик на лавку у входа и мягко, но уверенно придержал меня за локоть, не давая опуститься на ступени.

— Все в порядке, доктор Волков, — я попыталась выпря-

миться, но ноги слушались плохо. — Просто переутомилась. Головокружение.

Дмитрий перевел взгляд с моего лица на банку с темным содержимым, которую я сжимала в левой руке, затем на кованный нож и свежие следы на снегу у порога. На его лице не отразилось ни насмешки, ни удивления. Как врач кризисной службы, он умел видеть факты, не делая поспешных выводов и не читая моралей.

— Тетя Зина сказала, у вас заклинило щеколду на веранде и дует из щелей, — спокойно произнес он, не отпуская моей руки и помогая шагнуть в сени. — Я освободился после смены и зашел поправить. Но, судя по вашему виду, вам сейчас нужен горячий чай, горизонтальное положение и нормальный сон, а не сквозняки на морозе.

— Щеколда подождет, — тихо сказала я, переступая порог теплой комнаты.

— Не подождет, — возразил Дмитрий, закрывая за нами входную дверь и решительно задвигая нижний стальной засов. — Я сделаю за пять минут. Банку поставьте на полку в сенях, если она вам так дорога. И ложитесь.

Он помог мне дойти до лавки у печи, дождался, пока я сяду, и сам прошел на веранду. Через пару минут оттуда донеслись четкие, сухие звуки: щелканье отвертки, мерный стук молотка, скрип подогнанной планки.

Никаких вопросов о том, что лежало в банке. Никаких попыток выяснить, почему дипломированный терапевт среди

ночи режет кухонным ножом черные нитки на собственном пороге. Дмитрий действовал предельно практично — закрывал уязвимые места дома, оставляя мне право разбираться со своими тайнами самой.

Когда он вернулся в комнату, вытирая руки ветошью, я уже сидела с чашкой горячего чая, чувствуя, как тепло медленно возвращает чувствительность занемевшим пальцам.

— Замок на веранде держит, щели перекрыл, — сказал он, подхватывая свой чемоданчик. — Тётя Зина звонила сыну Валентины Семёновны. Женщину всё-таки увезли в больницу и оставили под наблюдением. Врачи сказали, что тянуть с осмотром точно не стоило. Так что ваш отказ играть в знахарку оказался полезнее красивого обряда.

Я подняла на него глаза. В его взгляде читалось прямое, скупое профессиональное уважение.

— Я просто сделала то, что должен был сделать любой нормальный врач, — ответила я.

— В нашей профессии далеко не каждый готов пойти на конфликт с чужой глупостью ради чужой безопасности, — негромко заметил Дмитрий. — Доброй ночи, Татьяна Александровна. Отдыхайте. Если завтра потребуется помощь по участку — звоните.

Он кивнул и вышел, бесшумно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Дом погрузился в тишину. Голландка мерно гудела, отдавая накопленный жар в бревенчатые стены. Слабость в те-

ле постепенно сменялась тяжелой сонной истомой, но разум оставался кристально ясным.

Я подошла к столу, сняла кардиган и достала из кармана телефон, чтобы поставить его на зарядку.

Экран мигнул синим светом.

На панели уведомлений висело одно новое входящее сообщение с московского номера. Не от Ирины — номер принадлежал Александру, моему бывшему мужу, который молчал все эти долгие месяцы.

Я провела пальцем по экрану, открывая диалог.

Сообщение было отправлено пятнадцать минут назад:

«Таня, мне нужна помощь. Со мной что-то не так. Я больше не могу это контролировать».

Глава 7

Сон после ночного разрыва связи был тяжелым, вязким и не принес отдыха. Мне снилась бесконечная заснеженная трасса, слепящий свет фар встречного грузовика и сухое шелканье ножниц, режущих толстый шнур прямо перед моим лицом.

Я проснулась в девятом часу утра с ноющей головной болью и легкой дрожью в кончиках пальцев. В теле оставалась глухая, тянущая усталость — плата за вмешательство в активную чужую порчу. Но голова была ясной.

Стеклянная банка с обезвреженным подкладом стояла на верхней полке в холодных сенях. Черные нитки, сухие стебли и тупая игла за прозрачным стеклом больше не казались угрозой — обычный мусор, из которого ушла удерживающая его воля. Но факт оставался фактом: против дома начали действовать открыто.

Я растопила печь, умылась ледяной водой из рукомойника и поставила на плитку чайник.

В кармане домашнего шерстяного кардигана лежал телефон. Ночное сообщение от Александра — первое за восемь месяцев молчания — все еще висело на экране короткой, оборванной строкой: «Таня, мне нужна помощь. Со мной что-то не так. Я больше не могу это контролировать».

Я не стала отвечать ночью. Врачебное правило требовало

не принимать экстренных решений на фоне физического истощения и эмоционального шторма. Но в десять утра телефон в руке глухо зажуужал входящим вызовом.

На экране высветилось его имя.

Я провела пальцем по зеленой кнопке и поднесла трубку к уху: — Слушаю.

— Таня?.. — голос Александра звучал глухо, сдавленно, с тяжелым прерывистым дыханием, словно он говорил на бегу или после тяжелого подъема по лестнице. — Слава богу. Я думал, ты заблокировала номер.

— Я слушаю тебя, Саша, — повторила я ровно, глядя в окно на заснеженные сосны. — Говори спокойно.

— Мне нужно тебя увидеть. Прямо сейчас. Я в Барнауле.

Внутри у меня ничего не дрогнуло. Ни злости, ни боли предательства — включился тот самый холодный клинический контроль, который помогал мне в приемном покое во время тяжелых ночных дежурств.

— Ты прилетел сюда? Зачем?

— Я не могу в Москве, Таня... — в его голосе прорвалась паническая, лихорадочная нота. — В квартире нечем дышать. Я схожу с ума. Меня ломает, понимаешь? Голова раскалывается, сердце выпрыгивает, мысли путаются... Я взял билет на первый рейс, как только узнал, что ты уехала. Мне нужно поговорить. Только с тобой.

— Ирина знает, что ты здесь?

На том конце повисла короткая, тяжелая пауза. Было

слышно, как он судорожно сглатывает слюну.

— Нет. Она думает, я на симпозиуме в Питере. Таня, пожалуйста. Назови адрес. Я на вокзале, возьму такси.

Я назвала улицу и номер дома, отключила вызов и положила телефон на круглый стол.

Значит, он сорвался сюда тайно. Мужчина, который два месяца назад добился развода, выставил мои вещи на склад и женился на моей лучшей подруге, теперь мчался через три тысячи километров за «помощью».

Самым простым и понятным движением было бы захлопнуть дверь, запереть ворота и отправить его обратно в Москву — разбираться со своей новой женой и своей новой жизнью. Но мне нужны были факты. Состояние Александра было прямым ключом к тому, что именно делала Ирина, как работало ее воздействие и где проходила граница между его собственной подлостью и наведенной чужой привязкой.

Такси затормозило у нашей калитки через сорок минут.

Я накинула шаль и вышла на крыльцо. Морозный воздух обжигал лицо, снег под ногами сухо поскрипывал.

Из машины вышел мужчина в дорогом темном пальто и замшевых ботинках, совершенно не приспособленных для сибирских сугробов. Он захлопнул дверцу и замер у штакетника, не решаясь толкнуть деревянную калитку.

Я смотрела на него сверху вниз.

Александр изменился так сильно, что на улице я могла бы пройти мимо и не узнать его в первый момент. Всегда под-

тянутый, педантичный, с безупречной осанкой университетского преподавателя, сейчас он казался ссутулившимся и постаревшим лет на десять. Лицо было серым, осунувшимся, под глазами залегли темные, почти черные тени. Воротник рубашки расстегнут, галстук сбит набок, а пальцы правой руки непрерывно, мелко подрагивали, теребя пуговицу пальто.

— Проходи, — сказала я, не делая шага навстречу. — Закрывай калитку.

Он вздрогнул от звука моего голоса, поспешно шагнул во двор, проваливаясь по щиколотку в расчищенную дорожку, и поднялся по ступеням.

Вблизи его состояние выглядело еще более тревожным. Зрачки были неестественно расширены, несмотря на яркое мартовское солнце, дыхание — частым и поверхностным. От него пахло застарелым кофе, крепкими сигаретами и странным, едва уловимым горьковато-сладким аптечным запахом, похожим на смесь валерианы, сушеного пустырника и какого-то незнакомого дурманящего эфира.

— Здравствуй, Таня, — он попытался протянуть ко мне руки, сделать шаг вперед, словно надеясь на привычные супружеские объятия или хотя бы жест сочувствия.

Я сделала полшага назад, увеличивая дистанцию.

— Проходи в дом, Саша. Снимай пальто.

Он опустил руки, виновато сгорбился и вошел в сени.

В теплой комнате Александр неловко стянул пальто, бросил его на край лавки и сел на стул у круглого стола. Он огля-

дывал бревенчатые стены, печь, герань на подоконнике с каким-то лихорадочным, голодным вниманием, словно искал в этой обстановке спасения от внутреннего кошмара. Но как только его взгляд скользнул по моему лицу, он снова вжался в спинку стула.

— Таня... ты должна меня выслушать, — торопливо, захлебываясь словами, начал он. — То, что произошло в Москве... этот развод, загс, Ирина... Это не я. Понимаешь? Меня словно заперли внутри собственного тела и заставили смотреть со стороны! Я не хотел разводиться. Я не хотел жениться на ней! Меня опоили. На мне приговор, я уверен! Она ведь колдует, Таня! Я видел у нее дома странные травы, свечи, мешочки с землей... Она сделала со мной что-то, чтобы забрать квартиру и подчинить меня себе! Ты врач, ты внучка Матрёны, ты должна все снять! Верни меня, пожалуйста...

Слова сыпались градом — сбивчивые, истеричные, полные отчаянного желания снять с себя любую вину и переложить ответственность на злую силу.

Я стояла у печи, скрестив руки на груди, и слушала его молча.

Как женщина, я имела полное право высказать ему все, что накопилось за эти месяцы предательства. Напомнить о том, как он подал иск о разводе, пока я лежала на аппарате ИВЛ без сознания. Спросить, почему он ни разу не пришел в палату в декабре, когда врачи боролись за мои рефлексы.

Но как врач я понимала: эмоциональная сцена сейчас только затуманит картину. Мне нужна была трезвая хронология.

— Саша, остановись, — негромко, но с жестким нажимом произнесла я.

Он осекся на полуслове, судорожно втянул носом воздух и замолчал, глядя на меня снизу вверх умоляющими глазами.

— Если ты хочешь, чтобы я разобралась в твоём состоянии, прекрати кричать про приворот и начни отвечать на конкретные вопросы, — я села напротив него через стол. — По порядку. Когда именно начались физические симптомы?

Александр потер ладонями виски. Пальцы его продолжали мелко вздрагивать.

— Физические?.. В декабре, наверное. После того как... после суда.

— Что конкретно ты чувствуешь?

— Бессонницу, — глухо отозвался он. — Сплю по два-три часа, просыпаюсь от ужаса, весь в поту. Сердце бьется неровно, в ушах шумит. Постоянная, дикая тревога, если Ирины нет рядом больше получаса. Стоит ей выйти из квартиры — у меня начинается паническая атака, кажется, что я сейчас умру, задохнусь. Я начинаю звонить ей каждые пять минут, требую вернуться... А когда она рядом — меня тошнит от самого себя, от нее, от ее голоса, но я не могу сделать ни шага в сторону! Тянет к ней, как на привязи. Мысли только о ней, даже когда пытаюсь работать над статьей. Голова как чугунная, в глазах туман...

— Что ты принимаешь? Лекарства, настойки, успокоительные?

Александр замялся, отвел взгляд в сторону окна: — Ничего особенного... Ирина заваривает специальный чай. Говорит, тибетский сбор для укрепления сосудов и снятия стресса. Горький такой, с привкусом сушеной травы и хвои. Она дает его каждое утро перед работой и на ночь. Если я пропускаю прием — к вечеру начинается дикая ломка, мигрень такая, что хоть головой о стену бейся, и в груди все горит...

Картина получила хотя бы земную часть. Александр регулярно пил неизвестный растительный отвар и сам связывал резкое ухудшение с пропущенной порцией. Уже этого хватало, чтобы не играть в домашнюю токсикологию и не считать любое его состояние приворотом. Плюс рядом всё время оставалась Ирина — человек, который контролировал и смесь, и его страх, и доступ к облегчению.

Но оставался главный, самый болезненный вопрос.

— Саша, — я посмотрела ему прямо в глаза, не отпуская его взгляда. — А теперь скажи мне правду. Твои отношения с Ириной начались в декабре?

Он побледнел еще сильнее, втянул голову в плечи и судорожно сжал кулаки на столе: — Таня... это не имеет значения сейчас...

— Имеет, — отрезала я. — Для меня имеет решающее значение. До моей аварии, в марте или апреле, между вами что-то было?

Александр зажмурился, словно от физической боли, и тяжело, надсадно выдохнул: — Было... Один раз, в апреле, когда ты уехала на конференцию в Казань. Она пришла ко мне на кафедру вечером, принесла кофе... Мы выпили, разговорились о твоей работе, о том, как ты устаешь... Я был дураком, Таня! Клянусь, это была минутная слабость, случайная ошибка! Я хотел все прекратить на следующий же день, сказать ей, чтобы забыла... Но она начала приходить домой, звонить, предлагать помощь... А потом случилась эта проклятая авария!

Я слушала его признание, и внутри у меня окончательно встало на место главное понимание.

Никакой магии в начале не было. Была обычная, добровольная, трусливая супружеская измена взрослого мужчины, которому польстило внимание красивой и хваткой подруги жены. Он выбрал этот шаг сам, трезвым умом, без всяких настоек и заговоров.

После моей аварии всё стало сложнее. Александр, по его словам, попытался отступить, а Ирина получила над ним гораздо больше власти. Где здесь заканчивались смесь и психологическое давление и начиналась настоящая привязка, ещё предстояло проверить.

— Значит, первую измену ты выбрал сам, — констатировала я спокойным, ледяным тоном.

— Таня, прости меня... — он закрыл лицо руками, плечи его мелко затряслись. — Я виноват перед тобой, я знаю!

Но то, что происходит сейчас — это ад! Я не выдержу еще месяц, у меня сердце откажет или я руки на себя наложу! Помоги мне разорвать это! Ты ведь можешь, ты знаешь, как это сделать!

Я медленно поднялась из-за стола.

Он искал легкого пути: прийти, покаяться, списать всю свою низость на «ведьмовской приворот», получить от меня бесплатное магическое исцеление и вернуться в чистый, удобный мир, где он снова ни в чем не виноват.

Этого не будет.

— Помощь будет иметь свои условия, Александр, — сказала я твердо. — Первое: никакой неизвестной смеси без обычной медицинской оценки. Если у тебя сохранился образец — отдадим на анализ, а состояние будет контролировать врач. Второе: ты прекращаешь с Ириной контакты, которые мешают проверке. И третье: даже если мы подтвердим привязку и снимем её, это не означает нашего примирения. Мой брак с тобой закончен независимо от того, что сделала Ирина.

Он поднял на меня мокрое от слез, растерянное лицо: — Но Таня...

— Это мои условия. Если ты согласен — мы проверяем наличие связи. Если нет — бери такси и возвращайся в аэропорт.

Александр судорожно сглотнул, помолчал несколько секунд, глядя на столешницу, и медленно опустил руки.

Затем он потянулся к правой руке, с усилием стянул с безымянного пальца широкое золотое кольцо — то самое новое обручальное кольцо, блестевшее на январской свадебной фотографии — и со стуком положил его на середину деревянного стола.

— Я согласен на всё, — прошептал он. — Проверь.

Глава 8

Золотое кольцо лежало на некрашеной сосновой столешнице, тускло поблескивая в косых лучах мартовского солнца.

Широкое, гладкое, без гравировок и узоров. Новое обручальное кольцо, купленное взамен того, которое Александр носил семь лет нашей совместной жизни и которое теперь, вероятно, пылилось в одной из коробок на московском складе временного хранения.

В комнате повисла тяжелая, гулкая тишина. Слышно было, как за бревенчатой стеной мерно подвывает ветер в ветвях старых сосен да глухо потрескивает березовое полено в печи.

Александр сидел неподвижно, уставившись в стол. Его руки, лежащие на коленях, мелко вздрагивали, плечи были напряжены, а на бледном лбу блестели мелкие бисеринки холодного пота. Без кольца его безымянный палец казался странно голым: на белой коже осталась отчетливая вдавленная полоса — след постоянного, непрерывного ношения, будто металл врезался в плоть глубже, чем положено обычному украшению.

Я не спешила.

Любая спешка в диагностике ведет к врачебной ошибке. А в случае, где переплетаются предательство, человеческая слабость и чужое мистическое принуждение, цена ошибки

возрастала вдесятеро. Мне нужно было полностью отстраниться от собственных чувств: забыть на время, что передо мной сидит мужчина, предавший меня в реанимации, и смотреть на него исключительно как на сложный, опасный клинический случай.

— Сиди смирно и ничего не трогай, — сказала я ровным, сухим голосом.

Он лишь коротко кивнул, не поднимая глаз.

Я подошла к умывальнику в углу, ополоснула руки ледяной колодезной водой, вытерла их жестким льняным полотенцем и вернулась к столу. Села напротив Александра, положила перед собой ладони и несколько секунд просто выравнивала дыхание, как учила тетрадь Матрёны: убрать собственную злость, очистить восприятие от личной обиды, оставить только нейтральное внимание.

Если браться за чужой след с яростью в сердце, дар не покажет правды — он лишь отразит твою собственную боль, помноженную на страх.

Первым объектом проверки было кольцо.

Тетрадь бабушки ясно разделяла каналы восприятия: личный предмет, долго находившийся в контакте с телом, накапливает устойчивый отпечаток владельца и ту связь, которую через него проводили. Это безопаснее прямого контакта с кожей, потому что металл удерживает структуру, но не бьет в сознание живым хаосом чужих мыслей.

Я протянула правую руку и зависла раскрытой ладонью

над золотым ободком, не касаясь его поверхности примерно на два сантиметра.

Отклик пошел почти сразу.

Сначала возникло ощущение плотного, застоявшегося тепла, словно под пальцами находился не холодный металл, а нагретый камень. Но по мере того как я ослабляла внутренний барьер, сквозь это тепло проступила отчетливая пульсация.

Это не был естественный след человека, который просто носил украшение на пальце.

От кольца тянулась тяжелая, жесткая, почти материальная вибрация, отдающая в подушечки моих пальцев мелким, колючим зудом. Ощущение замкнутого контура — тугой поводок, не имеющий начала и конца, заикленный сам на себе. И в центре этого контура безошибочно читался второй, доминирующий след.

Тот самый, который я перехватила у московской квартиры при касании запястья Ирины.

Её воля. Её цепкое, расчетливое, давящее намерение. Металл был не просто свидетелем брака — он служил постоянным приемником, физическим якорем, удерживающим структуру наведенной тяги на теле Александра каждую секунду, пока кольцо соприкасалось с его кожей.

Я медленно опустила пальцы и взяла кольцо двумя ногтями за внешний край.

В висок немедленно кольнуло острой иглой, во рту по-

явился знакомый металлический привкус. Кольцо фонило непрерывно. В одном я могла быть уверена: металл удерживал искусственную связь.

С отваром всё было сложнее. Александр сам связывал пропущенную порцию с резким ухудшением, а рядом с Ириной получал облегчение, но по кольцу я не могла определить ни состав смеси, ни её действие на мозг. По записям Матрёны материальная подпитка могла усиливать привязку; пока это оставалось рабочей версией, которую следовало проверять отдельно.

Если схема действительно совпадала с описанной бабушкой, передо мной была не сказочная любовь из ничего, а искусственно усиленная зависимость, закреплённая на материальном носителе.

Я положила кольцо обратно на доски и отодвинула его кончиком карандаша к самому краю стола.

— Кольцо активно, — произнесла я, поднимая взгляд на Александра. — Оно держит связь.

Александр судорожно вздохнул, в его глазах вспыхнула лихорадочная, почти безумная надежда: — Ты видишь?.. Ты чувствуешь это, Таня?! Я же говорил! Я не сходил с ума! Это она... Это всё она сделала со мной! Я ни в чем не виноват, меня просто сломали...

— Замолчи, — оборвала я его жестко и сухо. — Мы проверили только предмет. Теперь очередь за тобой.

Он замер, испуганно моргнув: — За мной?

— Ты сам просил помощи, — напомнила я. — Чтобы понять, как именно устроена привязка внутри тебя и можно ли ее разорвать без риска для твоей психики, я должна прочитывать живой контакт. Кожа к коже. Ты даешь добровольное согласие?

Александр сглотнул, посмотрел на свои дрожащие ладони, затем на меня: — Да. Да, Таня. Делай всё, что нужно.

— Положи правую руку на стол ладонью вверх. И постарайся не дергаться, что бы ты ни почувствовал.

Он послушно вытянул руку. Кожа на его запястье была бледной, тонкой, сквозь нее отчетливо просвечивали синеватые вены. Пульс бился часто, неровно — около ста ударов в минуту, с характерными вегетативными перепадами.

Я закатала рукав кардигана, сделала глубокий вдох, собирая остатки сил, и опустила пальцы правой руки на его обнаженное запястье, чуть выше лучевой кости.

Удар был втрое сильнее, чем при диагностике Валентины Семеновны или исследовании кольца.

Мир вокруг стола мгновенно потускнел, словно в комнате резко убавили свет. Звуки печи и ветра отдалились, превратившись в глухой, подводный гул. Мое собственное сердце пропустило удар, а затем заколотилось в унисон с его лихорадочным ритмом.

Сквозь прямой контакт двух тел хлынул поток его внутреннего состояния.

Поток не складывался в чужую память и не показывал мне

готовую сцену. Он разделился на два слоя — не по словам и картинкам, а по самой природе ощущения.

Первый был живым и человеческим: стыд, влечение, страх разоблачения, привычная слабость перед чужим восхищением. В нём не чувствовалось наведённого давления. Я не видела, кто закрыл дверь кабинета и что именно происходило внутри; главным было другое — этот пласт принадлежал самому Александру.

Это совпадало с тем, в чём он признался вчера. До аварии он сделал свой выбор сам.

Поверх этого лежало другое — холодное, ритмичное, слишком ровное для обычной эмоции. Оно снова и снова усиливало одну и ту же тягу: к Ирине, к её присутствию, к облегчению рядом с ней. Чем сильнее поднимались собственные вина и страх Александра, тем плотнее затягивалась чужая петля.

Вот это уже было воздействием. Не новой любовью из пустоты и не заменой личности, а искусственным усилением того, за что можно было зацепиться.

Кольцо удерживало чужой слой. Незвестный сбор, судя по хронологии, мог делать Александра уязвимее, но точный состав и действие смеси я по прикосновению узнать не могла.

Я удерживала различие ещё несколько секунд: своё — тяжёлое и постыдное, но живое; чужое — повторяемое, направленное, наведённое.

Я резко разжала пальцы и отдернула руку.

Возврат в реальность ударил по нервам. Голова закружилась, в глазах потемнело, а по спине прокатилась волна липкого холодного пота. Я тяжело опёрлась локтями о край стола, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Пальцы правой руки мелко, непрерывно дрожали — отголосок чужой патологической связи ещё покалывал кожу.

Александр сидел, тяжело дыша и глядя на меня с замиранием сердца. Его лоб был мокрым от пота.

— Ну что?.. — выдохнул он, и в его голосе дрожала жалкая, умоляющая надежда. — Таня, скажи... Ты ведь почувствовала это? Она привязала меня? Я был под колдовством, да?! Скажи, что это морок, что я не ведал, что творил!

Я медленно подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Взглядом, в котором не осталось ни жалости, ни прежней привязанности — только холодный, беспощадный свет медицинской правды.

— Привязка есть, Александр, — произнесла я. — Тяжёлая, искусственная, закрытая на кольцо. Сбор идёт рядом с ней и, возможно, усиливает твою уязвимость, но его состав и роль мы будем проверять отдельно.

Лицо Александра озарилось мгновенным, жадным торжеством. Он подался вперед, готовый схватить меня за руки: — Я знал! Господи, я знал! Значит, всё это было не по моей воле! Значит, развод, измена, всё это...

— Не смей, — мой голос прозвучал тихо, но с такой ледя-

ной силой, что он мгновенно отшатнулся обратно к спинке стула. — Даже не пытайся прятаться за ее магию.

— О чем ты?.. — пролепетал он, бледнея.

— Я почувствовала оба слоя, Саша. Но апрель мне не показал дар — о нём ты сам рассказал вчера.

Он замер, и надежда на простое оправдание погасла.

— До аварии между вами уже были твоё собственное влечение и твоя добровольная измена. Чужая связь легла позже и использовала то, что существовало без неё. Она не переписывает задним числом твой выбор и не делает тебя невиновным.

Александр закрыл лицо ладонями. Теперь спорить ему было не с моим видением, а с собственным признанием.

— Я попробую снять чужую петлю, если это можно сделать безопасно. Но это не вернёт наш брак и не отменит того, что ты сделал сам.

Он опустил руки, глядя на меня воспаленными, красными глазами: — Ты... ты сможешь снять это прямо сейчас? Разбить кольцо, прочитать наговор...

— Прямо сейчас я этого делать не буду, — сказала я. — Мы не знаем, что было в смеси и насколько устойчиво твоё состояние. Сначала обычная медицинская проверка, потом — работа с якорем. Разрывать сильную связь вслепую я не стану.

Александр в ужасе сжался: — И что делать?

— Сначала убедимся, что обычная медицина не видит

угрозы и что неизвестная смесь больше не вмешивается в картину. Ты останешься здесь, пока состояние не стабилизируется. Кольцо остаётся у меня и в руки ты его больше не берёшь.

Я подошла к шкафу, достала чистое полотенце, аптечку с базовыми препаратами и вернулась к Александру.

— А когда концентрация вещества в крови упадет и тело немного стабилизируется — мы найдем точный способ нейтрализации якоря и разорвем саму связь. С твоего добровольного согласия и по всем правилам Матрёны.

Александр посмотрел на золотое кольцо на краю стола, затем перевел взгляд на меня. В его глазах больше не было спеси или попыток оправдаться — только глухая, покорная готовность подчиняться.

— Я сделаю всё, как ты скажешь, Таня, — прошептал он.
— Всё до единого слова.

— Тогда иди в комнату и ложись, — распорядилась я. — Тебе понадобятся силы. Если ухудшение действительно связано со сбором, к вечеру оно может усилиться.

Он тяжело поднялся, держась за край стола, и побрел в сторону дальней спальни, ссутулившись и волоча ноги, как глубокий старик. Дверь за ним тихо прикрылась.

Я осталась одна на кухне.

Подойдя к столу, я взяла чистый лист бумаги, аккуратно завернула в него обручальное кольцо, не касаясь металла голдой кожей, и убрала сверток в деревянную шкатулку на пол-

ке.

Главное я установила: наведённая связь существовала и держалась на кольце, а неизвестный сбор шёл рядом с ней и явно влиял на состояние Александра. Одного прикосновения было недостаточно, чтобы назвать состав или объявить смесь ядом. Сначала требовалось безопасно разобраться с обычной медицинской частью, сохранить образец и дождаться устойчивого состояния. Только после этого можно было возвращаться к якорю и готовить разрыв.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.